

Author: Береговский Владимир Емельянович

Мой дед

Мой дед

Посвящаю своим дочерям, Лене и Тане.

1.Истоки

Мой дедушка, Феदिшин Максим Игнатович, родился в 1874 году в бедном украинском селе - Шарки. Сейчас село Шарки территориально входит в состав Деражнянского района Хмельницкой области.

Тогда, страшно сказать, более 130 лет тому назад, это была Подольская губерния с центром в городе Каменец-Подольский. Село Шарки входило в Летичевский уезд Подольской губернии. Это была самая западная губерния царской России, которая по реке Збруч граничила с Австро-Венгрией (Галицией). А сейчас граница отодвинулась на много сотен километров на запад, далеко за Карпаты.

Так что, если делить Украину на Запад и Восток, то село Шарки за эти 130 лет переместилось с крайнего запада России почти в центр Украины. Такие вот чудеса творятся в истории.... Но ландшафт мало изменился. Это по-прежнему небольшие сглаженные холмы, спускающиеся к узким глубоководным речкам

и множеству мелких озёр и ставков. Исторически совсем недавно большая часть холмов была покрыта лесами. И гулял по этим лесам и овражкам Подолья отважный атаман Устим Кармелюк* с ватагой разбойников.

*Примечание. Устим Якимович Кармелюк, родился 27 февраля 1787 г. в с.Головчинцы Литинского уезда Подольской губернии. С 1813-го по 1835-й крестьянское движение под руководством Кармелюка охватило все Подолье, соседние с ним районы Бессарабии и Киевщины. В восстании принимали участие около 20 тысяч человек. На протяжении 23 лет борьбы крестьянские отряды Кармелюка совершили более тысячи нападений на помещичьи усадьбы. Захваченные у помещиков деньги и ценности раздавались крестьянским беднякам. Для борьбы с восставшими российское правительство в ноябре 1833 г. создало т. н. Галузинецкую комиссию. В 1835 году Кармелюк был убит из засады шляхтичем Рутковским; по преданию - не пулей, а серебряной пуговицей, как “характерника”. С целью устрашения непокорных крестьян растерзанное тело Кармелюка ещё долго возили по городам и сёлам. Похоронили его в Летичеве, где позже, в 1974 году был установлен 5-метровый памятник.

Должно быть, и в крови моего деда сохранилось бунтарство этого простого и невероятно живучего подольского селянина.

Простые селяне его любили и пели про него песни:

Как вернулся я с Сибири,

Так и нет мне доли.

Хоть, похоже, не в цепях я,

А всё ж не на воле.

Это одна из немногих песен, слова которой знали на Подолье все, с самого раннего детства, с пелёнок. Тем более, что Кармелюк был почти односельчанином деда. Ведь именно в этих местах он прославился. По этим холмам и яркам он скрывался от царских стражников и прятал награбленный в помещичьих усадьбах скарб.

К сожалению, я сейчас знаю только год рождения своего родного деда по отцовской линии. Не осталось у меня никаких сведений, в какой из дней весны, лета, осени или зимы он родился, в какой семье, сколько братьев и сестёр он имел. И вроде бы не седая старина, каких-то 130 с гаком лет, но уже нет никого, кто бы мог мне об этом рассказать. Наверное, сам дед и его сын, мой отец, в многочисленных беседах мне много рассказывали о семье Феदिшиных, но, как поётся в известной песенке: “мудрых преподавателей слушал я невнимательно...”. А по-простому - большая часть из того, что мне рассказывали мои ближайшие, но уже ушедшие в другой мир, родственники, в одно ухо влетало, а в другое вылетало.

Это сейчас я, вплотную приблизившись к старости, понимаю, что эти подробности их жизни уже никто и никогда и никому не расскажет. И мне от этого горько-прегорько. И я не могу себя простить за это.

Поэтому-то я и взялся за эти записки, чтобы хотя бы мои дети и дети моих детей помнили те крупницы истории их предков, которые пока ещё удерживаются в моей, увы, нетвёрдой и дырявой памяти.

А помню я только то, что много-много раз рассказывал Максим Игнатович Федишин своему непоседливому внуку Вовке, бестолковому и хулиганистому ученику 6-9 классов Хмельницкой средней школы ?9.

Тогда, в шестидесятые годы уже прошлого двадцатого века, дедушка после смерти своей второй жены переехал из села Шарки к нам, в областной город Хмельницкий.

Конечно, и до этого я хорошо знал своего деда, папиного отца. Мы частенько приезжали погостить в село Шарки и месяцами жили под соломенной крышей маленькой дедушкиной хаты.

Когда я сейчас описываю своей жене Наде, какая это была убогая хатка, то даже она недоверчиво хмурится. Думает, что я специально сгущаю краски. Но ничего подобного. Действительно, ещё в пятидесятых и начале шестидесятых годов большинство хат села Шарки были крыты соломой. Вот и хата моего дедушки представляла собой беленькую избушку с маленькими синими окошками, глиняным полом, с образами по углам горницы. Половину кухни занимала “украинская” печка, на которой спали дед с бабой. На кухне же стояли вдоль стен гладкие тёмно-коричневые от времени лавки, на которых спали дети. Я один раз попробовал спать на печи, но мне не понравилось - очень душно.

Моих родителей укладывали в горнице, на широкой деревянной кровати с высокими резными спинками. Не помню, были ли на кровати перины. Днём кровать была постоянно застелена и на ней красовались огромные пузатые подушки.

Вообще-то это была обычная “шевченковская хата”, типа тех, что сейчас показывают в музее архитектуры и быта в Пирогово, под Киевом. Двор был маленьким, грязным, с засохшими коровьими лепёшками. Жилая часть хаты отделялась от хозяйственной входными сенями с лестницей, ведущей на таинственный, пахнущий сеном, чердак. В нежилой половине стояли огромные деревянные лари с зерном. Там же вдоль стенок располагался и необходимый сельскохозяйственный инвентарь: грабли, совки, лопаты. Впрочем, опять же, всё это можно сейчас увидеть в Пирогово. Удивительно, но понимаешь, как много прошло лет, лишь тогда, когда вспоминаешь эти ушедшие навсегда детали быта. Дети, наверное, читая эти строки, подумают: “Ещё бы отец вспомнил башни замков и крепостные стены”. Нет, чего не было, того не было. А был плетень, на который почему-то не надо наводить тень. Помните поговорку? В плетне была такой проход, лаз, с жердиной внизу, чтобы скотина не ходила, куда не надо. А я вот бегал через этот лаз на нижний ставок, купаться. Ставок был с греблей, плотиной, около которой глубина достигала двух- трёх метров. Мы, с такими же, как я пацанами, любили там заныривать на холодное илистое дно рядом с обомшелыми колодами гребли. Когда-то там утонул мальчик, и моя бабка (её почему-то все называли “старечкой”) бегала по берегу ставка с хворостиной в руках и грозила меня отстегать, если я немедленно не вылезу из воды. Я не очень-то боялся, бабушка никогда не выполняла своих угроз, но послушно бежал домой. Или, когда хотел позлить бабку, переплывал ставок и от противоположного берега поднимался к дому

старшего брата отца - дяди Саши.

Он работал бригадиром, и потому дом был одним из немногих в селе покрыт жестью. Впрочем, хата дяди Саши, хотя и была попросторнее дедушкиной, но имела такой же глиняный пол и те же маленькие голубые оконца. Зато в хлеву стояли две коровы, и жена дяди Саши, тётя Доня, доила их в большое цинковое ведро. А потом, тут же в хлеву прямо из ведра наливала мне в пол-литровую эмалированную кружку парного тёплого молока. Почти патриархальная картина! Я вспомнил её недавно, когда смотрел на шаркинском сельском кладбище портреты своих дяди и тётки в голубеньких овальных рамках. Почему-то в Шарках любят голубой цвет.

И никто уже не помнит в Шарках ни моего дядю Сашу, ни тётю Доню, ни их детей: Володю, Галю, Колю и Ларису. А бывший дом дяди Саши теперь выглядит даже более обветшавшим по сравнению с соседским, тоже не новым домом. На гудок моего “Ланоса” из хаты во двор вышла низенькая, хромающая на обе ноги, пожилая женщина, то ли цыганка, то ли еврейка, в грязном подранном халате. Ничего она о прежних хозяевах своего дома не знает, но живёт в Шарках какой-то предприниматель Федишин, который, наверное, знает.

Почему-то не стали мы с женой искать этого предпринимателя, а с тяжёлым сердцем тут же уехали из села. Наверное, надо было бы поставить свечки в сельской церквушке, которая так и осталась стоять со времени моего детства на поросшем травой холме около кладбища. Она только стала такой маленькой и скромной со своими стенами из тёмно-красного гладкого кирпича. Но двери оказались закрытыми, не смотря на воскресный

праздничный день поминовения усопших.

Помнится, в последний раз, почти двадцать лет назад, мы с отцом приезжали сюда на моих тогда ещё “жигулях”. Отец разговаривал с батюшкой. Священник был тоже Федишиным, скорее всего нашим отдалённым родственником, и, наверное, поэтому они с отцом были страшно похожи со своими крупными, как говорят - “мордатými”, лицами.

Мой отец уже пятнадцать лет, как умер и, наверное, батюшка тоже умер, а может быть переехал в соседнюю Деражню. Что делать священнику в таком маленьком опустевшем селе? Согласно сведениям из всезнающего Интернета, по состоянию на лето 2011 года в селе Шарки проживало 137 человек. Для сравнения: в одном небольшом пятиэтажном доме с двумя подъездами, расположенном почти в центре моего родного районного городишки, в 45 квартирах проживает 140 человек.

После смерти своей жены в 1961 году, дедушка переехал к нам, в Хмельницкий, в дом своего сына и моего отца. Мама говорила, что они “забрали” дедушку к себе. Но это неправда. Вот если бы он был больным и немощным, тогда можно было бы говорить - “забрали”. Но дед для своего возраста в почти 87 лет был ещё крепким и вполне адекватным мужчиной. Он был просто очень старым. Но соображал вполне здраво. Я в свои теперешние 65 лет, наверное, больше забываю, чем дедушка на девятом десятке.

Я вот размышляю сейчас - отчего так происходит? Может быть это связано с тем, что великое множество прочитанных книг, просмотренных кинофильмов, тысячи часов просиженных перед телевизором и компьютером,

десятки стран и сотни городов переполнили мои бедные мозги, как переполняет кастрюлю при кипении чрезмерно насыпанная в неё каша.

А у деда всё было иначе. Он был грамотным - закончил четыре класса церковно-приходской школы в Деражне. Но читал ли он что-нибудь кроме учебников? Сомневаюсь в том, что были ли у него учебники? И посмотрел дед в жизни только один художественный фильм - "Богдан Хмельницкий". Зато он запомнил этот фильм до мельчайших подробностей и постоянно мне его пересказывал. Лет до десяти я был уверен, что мой дедушка вместе со славным гетманом Богданом участвовал во всех битвах и заключил договор о дружбе с русским царём.

*Примечание: "Богдан Хмельницкий" - советский чёрно-белый художественный фильм о Богдане Хмельницком, снятый в 1941 году. Для любой зрительской аудитории. Историко-патриотическая лента, в центре которой первые этапы восстания Хмельницкого, в том числе битва при Жёлтых Водах и взятие Корсуни в 1648 году. Жанр - исторический, драма. Режиссёр: Игорь Савченко. В главных ролях: Николай Мордвинов, Михаил Жаров, Виталий Полицеймако. Киевская киностудия

Позднее до меня дошло, что в сельском клубе это была единственная картина, которая заслужила дедушкино внимание, и которую он смотрел десятки раз.

В гостях у деда мы с моим двоюродным братом Колей, который старше меня на два года, не раз ходили на кино в этот сельский клуб. До клуба нужно было идти вверх по узкой извилистой дороге, которую в дождь наполняла

непролазная грязь, а в сухое время - пыль. Такая пыль, наверное, на Луне: тончайшая, перетёртая временем, в которой босые ноги утопают по щиколотки.

На кино в клубе собирались все: и стар, и млад. Молодёжь разбивалась на группы парней и девушек. Люди постарше собирались в кучки по родственному признаку. Старые бабки занимали длинную лавку у забора. Деда степенно подпирали ворота. А мы, мальчишки, бегали друг за другом, кричали, дразнились. До драки доходило редко. Старшие нас быстро растаскивали.

Кино шло очень долго, так как кинопроектор был один, и каждый раз после окончания части нужно было ждать, пока киномеханик перемотает следующую часть. На это уходило минут тридцать. Включали свет, мужики и парни выходили покурить. Потом по знаку киномеханика народ возвращался и долго рассаживался по лавкам. Кинопроектор и лента были старыми и кинолента нередко рвалась. Её терпеливо клеили. Снова зажигали свет, выходили покурить, утихомиривали разбушевавшихся пацанов, уводили спать расплаканных маленьких детишек, ждали, пока все усядутся.

Дедушка прожил с нами около пяти лет. Вот тогда я наконец-то многое понял из его долгой и непростой жизни. Поселили деда в детскую комнату. Моя сестра Алла в то время уже училась в Львовском политехническом институте и жила в общежитии. Место сестры занял дед. Повесил икону над кроватью и каждый вечер молился за нас за всех. Я засыпал под его тихую молитву. Так что, можно сказать, что дедушка достаточно отмолился за всех нас, своих грешных сыновей, внуков, внучек и даже правнуков.

Хотя сам дед не был особенно богомольным. Во всяком случае, я ни разу не видел, чтобы он молился днём или ходил в церковь. Правда, церковей тогда оставалось мало. Наша церковь, городская, располагалась далеко от нас, в другой части города. Впрочем, я не припомню, чтобы дедушка ходил и в сельскую церковь. Старечка, его жена, точно ходила в церковь каждое воскресенье и по праздникам. Помню, что как-то, возвратившись из церковной службы, бабушка чуть ли ни единственный, раз всерьёз меня поругала. Дело в том, что батюшка пожаловался ей, что я с братом Колей лазал по деревьям, посаженным вокруг церкви. Самое обидное, что мы с Колей на самом деле к церковным деревьям и близко не подходили. Но никто нам так и не поверил. И папа мой мне не поверил. Ещё перед самой своей смертью вспоминал, каким я был сорванцом, - даже на деревья возле церкви залазил.

2. Крейсер “Баян”

Сколько себя помню, у деда была большая борода серовато-белого цвета, как говорят, “веником”. Он своей бородой, по-моему, даже как-то немного гордился и всегда за ней ухаживал - подстригал. Может быть из-за бороды, а может быть из-за некоторой недостачи зубов (протезы на селе были “не в моде”), но поначалу понимал я речь деда с некоторым трудом. Особенно, когда он начинал свои морские рассказы. Но весьма скоро после того как дедушка перебрался к нам, я привык к особенностям его речи.

А рассказы деда были замечательные. Он был на селе знаменитостью. В любом селе все друг друга знают больше не по именам и фамилиям, а по прозвищам. Моего деда звали “Матросом”. Так и называли нас в Шарках: внук Матроса, сын Матроса, жинка сына Матроса.

Дело в том, что дедушка долгие восемь лет служил матросом на знаменитом военном крейсере “Баян”. Правда, после призыва на флот он, по его рассказам, из Федишина превратился в Степанова.

Как раз, когда деда забрали, старостой села и каким-то нашим близким родственником был Степан. Вот и когда записывали деда в реестр, так и написали - Степанов. А потом, по возвращению домой, снова дед превратился в Федишина. А может это легенда. И на самом деле дедушка служил вместо какого-то Степанова, того же старосты. Это моя, собственная, версия. Отец категорически против неё возражал. Но так я у него и не допытался, кем же нам, Федишиным, приходился этот самый староста Степан.

Так что попал дед в Кронштадт. Сохранилась одна единственная фотография, на которой он стоит в фирменном бушлате: высокий, здоровый, красивый. Фото сделано в Кронштадте, но какого года неизвестно. По моим соображениям фотография сделана где-то между 1898-ым и 1903-ым годами. Я рассчитывал так: - Дед служил на флоте около восьми лет. Вернулся в Шарки где-то в 1906-м году. Значит, всего он был на флоте с 1898-го года по 1906-й год. Крейсер “Баян”*, согласно всезнающей Википедии, отплыл из Кронштадта в Средиземное море в 1903-ем году.

*Примечание: “Баян” - броненосный крейсер российского императорского флота. Первый из четырёх крейсеров типа “Баян”. Включен в списки флота 11 января 1899 года, унаследовав имя от списанного корвета “Баян”. Заложен на верфи Ла Сейн (Франция) 26 июня (8 июля) 1899 года. Спущен на воду 20 мая 1900 года. Вступил в строй в 1903 году. 26 ноября 1904 года потоплен в гавани

Порт-Артура. 22 августа 1905 года включен в состав японского флота под названием “Азо”. Исключён из списков японского флота в 1930 году. Расстрелян тяжёлым крейсером “Миоко” в качестве мишени 8 августа 1932 года.

Ко времени Кронштадта относится хронологически первый рассказ деда из нескольких наиболее любимых его рассказов, которые он повторял практически слово в слово много-много раз.

Он вспоминал, как однажды они с приятелем, тоже моряком, решили пойти в гости к знаменитому священнику Иоанну Кронштадтскому. Для храбрости выпили немного водочки. По дороге договорились, что только немного поболтают и сразу уйдут, чтобы не мешать святому человеку.

Иоанн Кронштадтский был тогда уже известен всей православной России, но принимал в своём доме простых людей, никому не отказывал. Деда с приятелем тоже впустили в дом без всякого. Посадили в комнату, налили чай. Матросы только стали пить чай, как зашёл сам Иоанн Кронштадтский, хитро так на них посмотрел и сказал: “Берите ложечки, ребята, - болтайте чай...”. Так морякам стало стыдно, что Иоанн Кронштадтский узнал, что они хотели с ним “поболтать”, что они даже чай не допили. Всю жизнь дед потом восхищался этим святым человеком.

В 1903-м году крейсер “Баян” и в составе экипажа мой дед, матрос Федишин (Степанов) Максим Игнатович, начали свой, как оказалось впоследствии, последний поход.

О периоде плавания в Средиземном море дед рассказывал только случай, как в одном приморском кабачке матросам с “Баяна” показывали фокусы. Там фигурировала обезьянка в пёстром сарафане, которая доставала из карманов зрителей часы и деньги. А потом иллюзионист, как говорит дед, “напустил туману”, и всем присутствующим показалось, что кабачок затапливает водой. Некоторые “мамзели” (слово из репертуара деда) даже спасаясь от воды, вскарабкались на столы. При этом они так подняли свои юбки, что показали, как опять же говорил дед, “чёрненькое”. Обычно, если при рассказе присутствовала моя мама, то в этом месте она вспыхивала и укоризненно глядела на папу и дедушку. А деду было хоть бы хны. Он никогда не упускал из своих рассказов ни одной фразы.

Поход крейсера на Дальний Восток, в Порт-Артур, дедушка описывал скупно. Во всяком случае, я только запомнил, что в Суэцком канале было очень и очень жарко.

А в Порт-Артуре дед попал в команду, которую списали с корабля для боевых действий в составе пехоты. Там дед и повоевал с японцами. Он участвовал в штыковых атаках, был контужен в голову и награждён солдатским георгиевским крестом.

Этот георгиевский крест очень долго хранился в нашем семейном сундуке, который стоял в спальне родителей и заменял собой теперешние комоды и шкафы. Крест сберегался вместе с папиными орденами и медалями в специальном отсеке этого большущего сундука из жёлтых дубовых досок. Там же лежали облигации государственного займа и отцовские членские книжечки ДОСААФ и общества охотников.

По сути, если не считать нескольких старых фотографий, это была единственная семейная реликвия, которую мы всегда с гордостью показывали своим гостям. Никогда себе не прощу, что показал георгиевский крест своим школьным друзьям, таким же “раздолбаям”, как и я сам. В результате крест пропал. Под подозрение у меня не без основания попал мой самый лучший друг, Витька. Но он так и не признался. И уже никогда не признается - умер. А вдруг это не он?

Так мне досадно, что не сохранил я эту память про моего деда. Да ещё какую память! Воевал, по-видимому, дедушка хорошо. Крест за “просто так” не дают. Но про военные свои действия дедушка почти не рассказывал. Как-то некстати я его спросил, скольких японцев он убил. Так мой добрый дедушка так на меня посмотрел, что я никогда больше таких вопросов не задавал. Контузило его большой грудкой земли в голову. После этого на некоторое время дед перестал слышать. Спасла его шапка. После контузии дедушку подлечили и снова отправили на фронт. Так он и довоевал до самой сдачи Порт-Артура в конце 1904 года.

В плену дедушка сидел вместе с будущим писателем Новиковым, который потом написал знаменитый роман “Порт-Артур”. Надо бы его перечитать, да всё времени не хватает. Книга “Порт-Артур” у нас в домашней библиотеке занимала почётное место. Только читал ли её сам дедушка? Сомневаюсь.

А с её автором, Новиковым, дед был довольно близко знаком - сидели в одном бараке. Дедушка отзывался о Новикове в целом положительно: “Серьёзный мужчина. Со всеми дружил. Не брезговал - хотя и учёный человек.

То, что он пишет про нашу жизнь - все знали, но никто не выдал. У нас в бараке кроме Новикова ещё один писатель был. Но когда японцы приказали все книги и прочие записи принести коменданту, то он свои сочинения сжёг. А Новиков не испугался, а на время припрятал свои записки, а потом снова их достал”.

Правда, дед утверждал, что Новиков писал хуже, чем, тот, другой. По каким таким критериям Новиков писал хуже, я так и не понял. Но, выходит, что мой дедушка всё-таки читал и того и другого. А может быть, он говорил с чужих слов? Хотя скольких, наверное, талантливых писателей загубила собственная трусость? Вот, например, Солженицын очень удивлялся тому факту, что из миллионов человек, которые прошли ГУЛАГ, написали о нём только считанные единицы. Конечно, как он писал, многие просто не дожили, но ещё больше просто боялись.

В 1905 или в 1906 году, точнее я не знаю, всех русских военнопленных японцы выпустили. Мой дед вместе с другими морячками и пехотой ехали в железнодорожных составах через всю Россию. По пути хулиганили, захватывали железнодорожные станции, били не успевших спрятаться жандармов. В больших городах их встречали делегации рабочих, устраивали совместные митинги, водили по заводам. Всё-таки, наверное, это был 1906-ой год, потому, что, например, в Чите рабочие показывали морякам уже разбитые баррикады и следы от пушечных выстрелов после только что прошедших боёв. Дед рассказывал, что читинские рабочие, которые их водили по заводу, были одеты в длинные чёрные пальто и всё переживали, что если бы матросы подоспели чуть раньше, то они бы разбили и жандармов, и войска.

Сразу после прибытия эшелонов в Москву всех моряков распустили по домам. А когда дедушка вернулся в Шарки, там как раз начались волнения - в Деражне сожгли несколько домов помещиков и богатых евреев. Дед, как революционный матрос, возглавил какой-то комитет и на селе начали делить помещичью землю.

Но “недолго музыка играла”. Власти быстро подавили выступления селян и рабочих в Деражне и направили карательный отряд в Шарки. Тут дедушке снова помог этот самый непонятный сельский староста Степан. Он предупредил деда о готовящейся акции и тот на время спрятался у родичей в соседней Яблунивке. Пересидев акцию карательного отряда, дед больше в политику не играл, а стал жить тихо и мирно. Как заслуженного порт-артуровца и кавалера георгиевского креста, его в дальнейшем не трогали. Тут тоже, конечно, не обошлось без покровительства сельского старосты.

3. Шарки

Когда дедушка женился, история умалчивает, но уже в 1908 году у него родился первый сын - мой дядя Саша. А в 23 августа 1914 года родился второй сын, Емельян, - мой отец. А больше детей у деда не было. Маму моего отца звали Марией. Она умерла от чахотки, когда моему отцу исполнилось пять лет. Отец её совершенно не помнит, и ни одной фотографии её не сохранилось, а может и, вообще, не было. Имею в виду фотографию.

Опять же не знаю, когда дедушка женился второй раз. Но вот вторую жену дедушки я помню хорошо, и две её фотографии сбереглись у меня в архиве. На первой фотографии, датируемой мной 1937-1939 годом, она стоит позади деда

рядом с моим отцом. На фоне чёрного глухого платка и тёмного, наверное, тоже чёрного пальто, светится правильный овал всё ещё красивого лица с прямым носом, большими глазами и пухлыми усмешливыми губами. Дед на фотографии сидит в солдатской шинели, туго подпоясанной ремнём. Волосы седоватые, с лихим чубчиком, а борода уже тогда совсем седая, но поменьше, чем в последние, “хмельницкие”, годы.

Тогда, в 1939 году, деду было всего лишь 65 лет. Я пишу “всего лишь”, потому, что сейчас мне 64 года, а выгляжу я значительно моложе, чем он на этой фотографии. Мир изменился - изменились и критерии старости. Во времена деда шестидесятилетние считались уже глубокими стариками, а сейчас, например, в Японии средняя продолжительность жизни мужчин 82 года, а женщин - 85 лет. А на Украине, скажете Вы, мужчины живут до 62-х. И Ваша неправда. Потому, что это “средний возраст по больнице”. Ведь многие умирают в относительно молодые годы. Вон, сколько уже умерло моих друзей: кто от рака, кто от алкоголя, кто в автомобильных авариях. Впрочем, лучше об этом меньше думать - дольше проживёшь.

Так что, если вернуться к нашей фотографии, то сразу понятно, что вторая жена дедушки была его моложе, наверное, не меньше, чем на 10 лет, если не на все двадцать. Лицо у неё и на снимке видно, что не полное, скорее худое. А в конце пятидесятых, начале шестидесятых годов у неё совсем щёки ввалились, и была она не по-бабьи очень худая - кожа да кости. Почему-то никогда она не претендовала на роль бабушки или мамы. Вечно стояла где-то сзади всегда уверенного в себе и властного деда. И звали её не по имени, а тем более не по отчеству, а просто - “старечка”. И для нас, детей Емельяна, она была старечкой, и для детей дяди Саши - старечкой. Детей у неё не было. Смутно помню из

более поздних разговоров моих родителей, что именно это обстоятельство и поставило старечку на какое-то униженное место. Хотя также помню, что она была очень доброй женщиной и носилась со всеми своими “несвоими” внуками и внучками, как обычная родная бабушка. Умерла она как-то тихо. На похороны меня с сестрой не взяли. И что удивительно: - вот я недавно был в Шарках, постоял над могилами дяди Саши и тётки Дони, а могилу старечки, которая любила меня как родного, смотрела за мной, как за родным, как-то упустил навестить. Наваждение какое-то!

Так что после революции 1905 года дед против любой власти не бунтовал. В гражданскую войну ни на чьей стороне не воевал, во всяком случае, в Красной Армии точно не был. Не исключаю, что он мог воевать где-то в зелёных или белых. Но, разве в “нашем высокогуманном” советском государстве можно было об этом даже думать, не то, что говорить. Как-то дед обмолвился, что служил в обозе, то есть по-нашему, по-современному, был водителем подводы.

К 1941 году деду было уже шестьдесят семь. Немцы в селе Шарки за всю войну ни разу не появились. Полицаи были из своих односельчан. “Матрос” на селе пользовался таким высоким авторитетом, что полицаи к нему не цеплялись. И это даже не смотря на то, что один сын у него, мой отец, уже до войны был красным командиром и все это знали, а второй сын, дядя Саша, был председателем колхоза. Наверное, дядя Саша тоже не особенно на своём председательском посту выслуживался и поэтому его никто не сдал. Он тоже всю войну тихо просидел в селе в свои 33-37 лет. И никто у нас в семье об этом почему-то не распространялся. Вот его жена, тётя Доня, “прославилась” тем, что все дядины документы (и в том числе партийный билет) у него выкрала и

сожгла.

Но после войны почему-то дядю Сашу не посадили, как “наших” полицаев, и он до старости работал бригадиром полеводческой бригады. Правда, в партии дядю Сашу не восстановили и председателем колхоза не выбрали, то есть - не назначили. Если все эти факты подытожить, то напрашивается вывод, что дядю Сашу советские органы оставили в тылу специально, как своего агента. Но дядя активности не проявил или недостаточно проявил. Да тут ещё неосознательная жена партбилет сожгла. Поэтому, как бывшего своего, решили его не трогать. А может это всё мои фантазии? Просто забыли про человека, и всё. Но странно как-то. Времена то были такие, что “органы” ничего не забывали. Полицаев ведь посадили.

4.Закат

Так пролетели над дедовой хатой Октябрьская революция, гражданская война, Отечественная война. Хата, как была под соломой в конце девятнадцатого века, когда её построили, так и осталась под соломой в шестидесятые годы двадцатого века, когда её закрыли на замок перед отъездом дедушки в Хмельницкий. Ничего-то дед за свой век не нажил. Так и ходил всю жизнь в телогрейке или в солдатской шинели. Летом носил сапоги, зимой - валенки.

Остались отцу в наследство лакированный столик на шатких гнутых ножках да засиженная мухами картина размером чуть больше стандартного листа 20*#215;30 см. Эта картина сейчас висит у меня на стене слева от компьютерного стола, за которым я пишу эти строки. На картине по грунтовой

неровной дороге бредут две женщины в белых косыночках. Они идут к невысокой церкви под красной черепичной крышей. Слева от церкви растут три старые липы. Над церковью по серо-синеватому небу мчатся облака, слегка подсвеченные пока прячущимся рассветным солнцем. Картина долго висела в спальне у родителей, а после смерти матери я взял её себе. Откуда она взялась у деда мама не вспомнила, а у отца я за всю его жизнь не успел спросить. Нарисованная маслом, крупными мазками, она датирована 1903-им годом и подписана “Podani”.

Где-то красивой ранней осенью 1993-го года мы с отцом на моём тогда ещё новом “жигулёнке” съездили в Шарки. Ехали вдвоём по новой, недавно заасфальтированной дороге от Деражни. Отец из-за остеохондроза еле-еле передвигался. Поэтому, скрипя сердцем, пришлось, хотя и не хотелось новую машину ломать, по его просьбе свернуть с дороги, чтобы прямо по стерне только что убранного поля подъехать к небольшой рощице.

Отец с большим трудом вылез из машины и, пройдя пару метров, мы зашли под тень могучего ещё зелёного дуба. Постояли, послушали тишину. Отец, как и я, любит тишину. И тут выяснилось, что эта рощица когда-то принадлежала моему деду. А я-то думал, что дед всю жизнь был бедным! Оставив папу в тенёчке отдыхать, слушать тишину и птичек, я спустился через заросли подлеска к журчащему недалеко ручейку. Берег ручья зарос высоким папоротником. Через густую зелень обступивших полянку деревьев с трудом пробивались отдельные лучики солнца. Было сумрачно и пахло сказкой. Не хватало только Ивана Царевича на сером волке.

В Хмельницком дедушка тоже всегда ходил в телогрейке, ватных брюках, чёрной кепке или шапке. Из-за старой контузии у него даже летом мёрзла голова. Без дела он не сидел. Разве что, когда рассказывал мне свои истории. А так он постоянно находил себе работу. Копался на нашем маленьком огородике, кормил специально заведенных для него кур, топил печку углём и дровами. У нас даже после деда ещё долго была старинная печка с чугунной плитой.

У меня сохранилось несколько фотографий, на которых дедушка позирует мне в неизменных своих телогрейке и ватных брюках. Практически до своей кончины дедушка ни на что не жаловался, охотно со мной общался и с удовольствием рассказывал свои постоянные истории.

Вот только в последние дни как-то поскутнел, не хотел ни с кем общаться, даже со мной. Я долго после размышлял над причинами такого несвойственного для деда поведения. Как раз незадолго до его смерти мы с моим другом Витькой готовились к выпускным экзаменам за девятый класс и привели для “подготовки” двух школьных подруг. Родители были на работе, а на дедушку я не обращал внимания - знал, что он ничего родителям не скажет. - Старики такие обидчивые. Может быть, я слишком, по-молодому, нагло себя повёл? Дедушка не показал виду, но его видимо покорило.

Не знаю почему, но и до сих пор у меня сохранился какой-то неприятный осадок. Есть же поступки, которые уже не исправишь, а они гнетут тебя всю жизнь.

Но всё-таки я очень надеюсь, что причиной необычного поведения деда было просто предчувствие смерти. Он предчувствовал скорый конец и по-своему осмысливал свою жизнь. Очень надеюсь, что это так.

Умер дед, вроде бы, от несчастного случая. - Шёл вечером из туалета во дворе, поскользнулся или голова закружилась, и упал. Я пишу “вроде бы”, потому, что как то все мы чувствовали, что он вот-вот умрёт. Что-то такое висело в воздухе. Конечно, никакой медицинской экспертизы не было. Какая тут экспертиза, когда человеку девяносто лет.

Похоронили дедушку на Шаровечках. Есть такое большущее кладбище под Хмельницком. У нас даже говорят: “Ты, что, на Шаровечки захотел?” или “Отправился на Шаровечки”. Памятник отец сварил сам, в цеху Хмельницкого завода трансформаторных подстанций, в котором он тогда работал мастером. Памятник изготовлен в виде невысокой усечённой пирамиды из арматуры, с маленьким стальным крестиком наверху и с овальной фотографией с датой “1874-1963гг”. Почему-то более точную дату рождения и смерти не поставили.

Фотоснимок дедушки я сделал сам. Был у меня тогда фотоаппарат “Друг” со странным перетяжным механизмом плёнки, который скоро сломался, но с отличным объективом. Дедушка любил фотографироваться.

Вот такая история жизни моего дедушки, Федишина Максима Игнатовича. Вечная ему память.

20 ноября 2011 года. г.Берегово